

этотъ порывъ, но стоило прійти *красотъ*—и разсѣялась въ прахъ вся египетская внутренняя работа; черезъ нѣсколь-ко дней онъ уже «эстетически» вѣщаль:

«Самоотверженіе, любовь— все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? Когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ, одно желаніе—любить *ее* и жить съ нею, ея жизнью!...»

Мы увидимъ, какъ онъ еще долго будетъ тяготѣть то къ одному моральному настроенію или возрѣнію на жизнь, то къ другому, то живя внутреннимъ своимъ міромъ, то гоняясь за призраками жизни, то подымаясь духомъ, то снова падая, то вѣруя и совершенствуясь, то отрицая и разрушая свою же работу, пока, наконецъ, окончательно потонувъ въ «эстетическомъ», разочарованный въ своихъ порывахъ, въ своей надеждѣ на обновленіе, на счастье, убѣдившись въ лжи и себя самого, и окружающей жизни, усталый отъ этой жизни, онъ не дойдетъ, въ лицѣ героя изъ «Записокъ Маркера», до той грани, до того страшнаго безразличія ко всякимъ «вопросамъ», когда человѣкъ уже ничего не ищетъ въ жизни, какъ только минутныхъ наслажденій, азартныхъ игръ и полнаго самозабвенія въ винныхъ парахъ, чтобы только *уйти отъ себя*, забыть себя... Въ такомъ состояніи герой повѣсти сходится съ завсегдатаями какого-то средней руки, не то клуба, не то трактира, втягивается въ игру, проигрываетъ послѣднее состояніе, и, наконецъ, пускаетъ себѣ въ лобъ пулю, оставивъ послѣ себя записку съ страшными признаніями. Для насъ важенъ не столько фактъ самоубійства,—тѣмъ болѣе, что происходитъ это только въ повѣсти гр. Толстого, а на самомъ дѣлѣ герой нашъ не умеръ—да и не скоро еще умретъ, продолжая воскресать и еще появляться передъ нами то подъ видомъ